

Лихтер Павел Леонидович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета

Likhter Pavel L.

*Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law Penza State University
E-mail: lixer@mail.ru*

Эстетика правовых символов

Aesthetics of legal symbols

Аннотация. Статья посвящена исследованию онтологических оснований правовой реальности через призму эстетики и концепции супервентности. Оспаривается методологический редукционизм, выступающий против самостоятельного онтологического статуса правовых феноменов. Доказывается, что эстетические категории (гармония, соразмерность, симметрия) выступают фундаментом для формирования правовых символов и обеспечивают их легитимность. Правовая реальность супервентна на социальных, культурных и эстетических факторах, то есть детерминирована ими, но не сводится к ним, обладая собственной нормативной автономией. В качестве методологического инструмента супервентность позволяет объяснить дуалистичную природу права, одновременно укорененного в социальной действительности и связанного с идеальными категориями. Делается вывод о том, что эстетический подход, преодолевая субъектно-объектную оппозицию, предоставляет ключ к пониманию intersubjective природы правовых феноменов и подтверждает самостоятельность их онтологического статуса.

Ключевые слова: философия права, правовая онтология, эстетика права, правовые символы, супервентность, методологический редукционизм, правосознание, легитимность, intersubjectivity

Annotation. The article is devoted to the study of the ontological foundations of legal reality through the prism of aesthetics and the concept of supervenience. Methodological reductionism, which opposes the independent ontological status of legal phenomena, is disputed. It is proved that aesthetic categories (harmony, proportionality, symmetry) serve as the foundation for the formation of legal symbols and ensure their legitimacy. Legal reality is supervenient on social, cultural and aesthetic factors, that is, it is determined by them, but it is not reduced to them, having its own normative autonomy. As a methodological tool, supervenience makes it possible to explain the dualistic nature of law, which is both rooted in social reality and associated with ideal categories. It is concluded that the aesthetic approach, overcoming the subject-object opposition, provides a key to understanding the intersubjective nature of legal phenomena and confirms the independence of their ontological status.

Keywords: philosophy of law, legal ontology, aesthetics of law, legal symbols, supervenience, methodological reductionism, legal awareness, legitimacy, intersubjectivity

Для цитирования: Лихтер П.Л. Эстетика правовых символов // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 352–355.

Правосознание представляет собой совокупность знаний, эмоций, взглядов относительно символов (формы) и содержания объектов правовой реальности. Каждый человек сначала определенным образом воспринимает правовые феномены и только потом вступает в частные или публичные правоотношения. Таким образом вопрос восприятия правовых символов – один из центральных вопросов фундаментальной юриспруденции.

Проблема заключается в том, что восприятие человека – весьма ненадежное основание для построения правовой реальности. Символы окружающего мира воспринимаются по-разному. Недавние споры о цвете платья (синего или бело-золотого)¹, о произнесенном звуке («Янни» или «Лорел»)² подтверждают актуальность вопросов восприятия феноменов действительности. Если такие «простые» квалиа, как цвета или звуки воспринимаются по-разному, то можем ли мы быть уверены в едином понимании символов права? Этот вопрос вполне можно интерпретировать как одну из вариаций т.н. трудной

¹ Brainard D., Hulbert A. Colour Vision: Understanding #TheDress // Current Biology. 2015. № 25 (13). P. 551–554.

² Hollister S. Yanny or Laurel leaves scientists as mystified as we are // CNET. 18.05.2018. URL: <https://www.cnet.com/culture/yanny-laurel-leaves-scientists-as-mystified-as-we-are/> (дата обращения: 22.11.2024).

проблемы сознания: каким образом вообще у человека возникает феноменальный опыт восприятия окружающего мира? (или в формулировке Д. Чалмерса: «почему у нас не темно внутри?»¹).

Поскольку трудная проблема сознания остается неразрешенной современной наукой, в качестве дополнительного ресурса исследования феноменов правовой реальности можно применить эстетический подход. Эстетическое начало пронизывает практически любые аспекты общественной жизни, аккумулируя в себе специфику их социально-исторического контекста. Чувство справедливости вырастает из эстетического чувства *гармонии*, которая, как невидимый каркас, пронизывает всё здание юридической догматики. Значимость принципа *пропорциональности* постоянно отражается в правоприменительной практике; категории *симметричности* и *сбалансированности* также являются важными составляющими в отраслевой догматике, особенно в гражданском и уголовном праве. Но еще важнее тот факт, что эстетические категории в определенных случаях можно рассматривать как онтологические основания возникновения правовых символов и других составляющих элементов правовой реальности. Проблематика эстетики в праве не может быть сведена к герменевтике юридических текстов. **Она обладает богатым и сложным содержанием, включающим различные смысловые и структурные модификации, и доходит вплоть до онтологических оснований правовой символики.** П. Шлаг доказывает, что «... эстетика формируют способ, которым мы мыслим право, делаем право и воображаем будущие направления права. Они формируют самую его сущность»².

Сформировавшаяся в XX веке на стыке герменевтики и феноменологии рецептивная эстетика (англ. *reader-response criticism*) **исследует, как реципиент взаимодействует с текстом. Ключевой тезис этой концепции – произведение (в нашем случае, смысл правового символа) объективно существует не в тексте закона, а рождается в сознании его читателя (судьи, юриста, гражданина).** Этот подход может также быть использован для разрешения вопросов, связанных с онтологией правовых символов. В результате правовая реальность предстаёт как система текстов, чьё содержание определяется не только интенцией законодателя, но и интерпретацией субъектом права.

Данный аспект приобретает особую актуальность в конституционном праве, где нормы носят **прескриптивный характер. Здесь ключевое значение имеет соответствие текста конституции восприятию и правосознанию граждан. Диссонанс между ними порождает риск конституционно-правовой аномии – состояния дезинтеграции устоявшихся правовых идеалов и институциональных норм.** В конституционном праве подходы рецептивной эстетики могут применяться при изучении различных вопросов, касающихся правовой реальности и правовой культуры³.

С точки зрения всего общества интерпретация любого правового текста детерминирована совокупностью коллективных установок. Правовые институты детерминированы культурными, социальными и иными особенностями правосознания населения. Следовательно, в различных контекстах одинаковые правовые символы могут быть приняты человеком, если они эстетичны и обоснованы, либо отвергнуты из-за несовершенной формы или содержания.

Правовые символы – это, прежде всего, интеллигибельные объекты, то есть их сущность открыта для рационального познания. Их восприятие человеком и встречное воздействие на него подчиняются принципу целостности познавательного процесса. В целом, восприятие правовых феноменов определяется группами факторов: внешними (средовыми условиями) и внутренними (направленностью сознания на постижение идеальных ценностей гармонии, справедливости, соразмерности, равенства).

Влияние идеальных категорий на формирование онтологических конструкций права может быть продуктивно проанализировано через концепцию супервентности. Этот термин получил широкое распространение в современной аналитической философии за счёт работ Д. Чалмерса, отвергающих методологический редукционизм при установлении онтологической подлинности ментальных феноменов⁴. Согласно его хрестоматийной формулировке «Б-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их Б-свойствах»⁵.

Супервентность описывает специфическое отношение зависимости между сложными системами, которое не поддаётся редукции до простой логической импликации («если А, то Б»). Импликация – это широкое понятие формальной логики, а супервентность как правило применяется для анализа связи между онтологически разнородными уровнями реальности, где свойства высшего уровня (Б-факты, например, ментальные феномены) определяются свойствами низшего уровня (А-факты, например, физическими процессами в мозге).

¹ Chalmers D. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. № 2 (3). P. 200–219.

² Schlag P. The Aesthetics of American Law // Harvard Law Review. 2002. № 115. P. 1047–1116.

³ Лихтер П.Л. Влияние художественной литературы на формирование конституционно-правовых институтов в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3(45). С. 60–69.

⁴ См.: Davidson D. Mental Events // Essays on Actions and Events. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 207–227.

⁵ См.: Чалмерс Д. Сознание и ум. В поисках фундаментальной теории. М: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2013. С. 55.

Эстетика сохраняет значение для юриспруденции, так как позволяет воспринимать правовые символы за счёт приближения к их «эйдетической» сущности. На определенной степени отвлечения супервентности объектов правовой реальности (Б-факты) устанавливается через соответствие формы воплощения идейным предпосылкам (А-факты) и подлежит оценке в перспективе таких эстетических категорий, как соразмерность, умеренность, гармоничность, целостность. Одновременно эстетические модификации создают ряд двойственных связей (текст-контекст, объект-структура, сущность-форма и др.), фундирующих иерархические структуры права. И если правовая реальность – это сфера бесконечного многообразия каузальных цепочек, то эстетика выступает одновременно их ограничением и фактором формирования.

Супервентность в юридической науке может выступать как методологический инструмент, позволяющий описать сложный, нередуцируемый характер генезиса правовых символов. Так, если в качестве исходного тезиса взять супервентность правовых символов на эстетических категориях, то появляются новые вопросы: будут ли отличаться правовые символы (Б-факты) при тождестве эстетических оснований (А-факты)?; останется ли неизменным содержание правовых символов (Б-факты) при отсутствии различий в восприятии их реципиентами (А-факты)? И т.п.

Ответы на подобные вопросы предполагают несколько этапов подготовки.

1) Преодоление методологического редуccionизма. Традиционные доктринальные подходы зачастую пытаются свести право либо к чистой норме (нормативизм), либо к социальным фактам (институционализм), либо к экономическим отношениям (марксистские теории) и т.п. Концепция супервентности позволяет утверждать, что правовые символы и нормы (Б-факты) *детерминированы* социальными, экономическими, политическими и другими факторами (А-факты), но **не сводятся к ним**.

2) Интегративное объяснение нормативной силы и автономии права. Онтологическая сущность права не определяется лишь государственной силой принуждения. Его сила коренится в соответствии норм неким идеальным категориям (справедливость, равенство, благо). Эти категории в свою очередь могут быть супервентны на особенностях национальных традиций, историческом опыте и культуре. Таким образом, право не «парит в воздухе», оно укоренено в реальности, но эта укорененность не является простой причинно-следственной связью.

3) Моделирование статике и динамики правовой реальности. Относительная независимость Б-фактов объясняет почему право может сохранять устойчивость даже в периоды социальных потрясений, выполняя роль стабилизирующего каркаса. **В то же время** изменения А-фактов (технологический уклад, социальная структура) **рано или поздно с необходимостью** влекут трансформацию правовых феноменов. Впрочем, признак супервентности не позволяет предвидеть *конкретную форму* этих изменений, что объясняет вариативность правовых систем в сходных условиях.

4) Легитимность правовых символов. Легитимность правового символа (например, Конституции) можно рассматривать как свойство, супервентное на нескольких взаимосвязанных базисах: **фактическом** (эффективность правоприменения) и **ценностном** (воспринимаемое соответствие права идеалам справедливости, равенства, которые сами супервентны на моральных интуициях общества. «Фиктивная конституция» – это та конституция, в которой связь между её текстом (Б-факт) и ценностным базисом (А-факты) нарушена.

Таким образом, признак супервентности дает методологический ключ к пониманию права как **дуалистического феномена**, одновременно детерминированного социальной реальностью и обладающего автономией благодаря своей связи с идеальными категориями. Этот подход позволяет системно изучать онтологические основания права, не разрывая связь между «сущим» и «должным», и предлагает язык для описания сложной архитектоники правовой реальности.

Супервентность правовой реальности через призму эстетики **позволяет сделать вывод, что правовая реальность – это нечто большее, чем просто физические объекты. Она опровергает методологический редуccionизм, который обосновывает существование только материальных вещей (суд как здание, конституция как книга).** Вопрос о подлинности правовых феноменов, (в том числе таких предельно общих категорий, как правовые идеи, принципы и ценности) сложен, требует классифицировать объекты по различным критериям и предполагает другие методологические сложности. Однако еще большие сложности влечёт отказ от признания онтологической подлинности правовых абстракций.

Правовая реальность – это сложный, многоуровневый мир, который включает в себя нормы и правила; институты; идеи и ценности; субъективные переживания (чувство правоты, страх перед наказанием, уверенность в защите). Принцип супервентности позволяет сохранить за правовой реальностью свои собственные нередуцируемые свойства и законы, основанные на физических или социальных предпосылках, но не сводимых к ним. Так картина зависит от красок, но ее эстетическая ценность, смысл и красота не сводятся к химическому составу красок. Право тоже не существует без физической реальности (документы, здания, средства связи), но его суть – нормативность, обязательность, справедливость – не является свойством бумаги или бетона.

Ключевой категорией здесь выступает эстетика, которая позволяет сделать шаг дальше и определять право не как сухую логическую систему, а как феномен, который воспринимается чувственно через символы, образы, ритуалы и переживания.

Эстетический подход, создавая символическое измерение, позволяет привести примеры правовой реальности, которые невозможно редуцировать к материи:

мантя судьи – это не просто кусок ткани, а носитель значительного символического веса: авторитета, беспристрастности, традиции и её эстетика (цвет, покррой) работает на создание этого эффекта;

здание суда – это не просто бетон и стекло, его архитектура (монументальность, высокие потолки, пространственная организация) должна создавать ощущение торжественности, значимости процесса, величия закона;

государственный герб, печать, присяга – все эти эстетические объекты и ритуалы конструируют реальность, наделяя физические действия (подпись, клятва) особым юридическим смыслом.

Таким образом, эстетический анализ права не просто украшает его изучение, а является методологическим инструментом против редукционизма, доказывая самостоятельный онтологический статус правовой реальности как мира смыслов, ценностей и символов, воплощенных в материи.

Помимо прочего, правовые феномены воспринимаются как элемент объективной реальности, так как они выступают общим объектом интенционального внимания при социальном взаимодействии. Невозможно рассматривать право как нечто, существующее само по себе, независимо от человека. При этом для построения любого измерения социальной реальности «нужно иметь что-то общее в субъективных реальностях разных людей»¹. Это общее позволяет намечать устойчивые контуры особого типа, которые формируют юридическую действительность.

Таким образом, использование эстетического подхода в правовой онтологии не влечет оправдание субъективизма, но дает инструменты для придания правовому символу в восприятии человека форму, наиболее близкую к его эйдосу. М. Хайдеггер отмечал: «воспринять, означает заметить присутствующее и поставить его перед собой, то есть представить его»². Немецкий философ отмечает нацеленность мышления не на сущее как таковое, а на сущее как наличной данности, для изучения которого надо прежде всего воспринять его присутствие³.

Отказ от субъектно-объектной оппозиции при исследовании правовой реальности позволяет признать, что в междисциплинарных связях по поводу общих универсалий рождается реальность, которая утрачивает свою субъективность. Для того, чтобы сложились правоотношения нужен не просто факт коммуникации между субъектами, но общее понимание того внешнего, по поводу чего и как они складываются. Собственно слово «коммуникация» и происходит от латинского слова «*communico*», что означает «делать общим». Интенсивность и схожесть восприятия правовых символов подтверждают самостоятельный онтологический статус объектов правовой реальности, даже если речь идет об идеальных категориях эстетики.

¹ См.: Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 284.

² См.: Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге : сборник. М.: Высшая школа, 1991. С. 110.

³ См.: Матяш Т.П. Что означают слова Хайдеггера «наука не мыслит»? // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 3(43). С. 152–159.